

О переиздании перевода «Посмертных записок Пиквикского клуба» под редакцией Густава Шпета

1. Введение

Одной из важных «возвращенных» фигур конца XX в., олицетворявших собой репрессированную русскую интеллигенцию, стал Г. Г. Шпет. Большинству читателей он известен как крупный русский философ, но в 1920—1930-е годы он также занимался литературным трудом: переводил, редактировал и готовил к изданию художественные произведения. Среди его литературных интересов был Чарльз Диккенс.

В 2000 г. издательство «Независимая газета» выпустило «Посмертные записки Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса. Даже беглый взгляд на это издание убеждает, что важный (если не главный) его герой — Шпет. На обложке книги указано, что этот роман Диккенса публикуется «с комментарием Густава Шпета». На обороте титульного листа (4-я страница книги) дана аннотация, в которой говорится *исключительно* о Шпете и его комментарии¹. На переднем отвороте суперобложки приведена цитата из Честертона с похвалой «Пиквику», а на заднем — дается краткая биографическая справка о Шпете². Более того, в выходных данных на обороте титульного листа указано, что текст представляет собой «Сокращ. пер. с англ. под ред. А. Г<орнфельда> и Г. Ш<пета>».

¹ «Комментарий Густава Шпета к роману Чарльза Диккенса “Посмертные записки Пиквикского клуба”, составленный в 1934 г., не утратил своего историко-литературного значения и по сей день, ибо, задавшись целью ввести своих соотечественников в художественный мир Диккенса, широчайше эрудированный философ и полиглот создал уникальный путеводитель по Англии первой трети XIX столетия. На судьбе Комментария сказалась трагическая участь автора, расстрелянного в 1940 г. Переиздание Комментария — дань памяти замечательного ученого, но вместе с тем и “открытие” бессмертного произведения великого английского классика современному читателю».

² «Густав Густавович Шпет (1878—1937) — выдающийся русский философ, литературовед и переводчик. Искренний почитатель и подлинный знаток творчества Диккенса, он перевел его романы “Холодный дом” и “Тяжелые времена”, а, кроме того, подготовил к печати переводы “Лавки древностей” и “Посмертных записок Пиквикского клуба”, снабдив последний уникальным историко-социальным комментарием, явившимся той опорой, в которой бриллиант диккенсовского юмора засверкал всеми своими гранями».

Должен признаться, что именно указание на переводчиков и привлекло мое внимание к этой книге. Из читанного прежде мне запало в память указание на то, что в начале 1930-х годов Шпет перевел «Посмертные записки Пиквикского клуба», однако его перевод не устроило издательство «Academia» и работу над переводом поручили Евгению Ланну и Александре Кривцовой, а Шпету досталось лишь готовить к нему комментарий³. Сразу скажу, что версию о сделанном, но забракованном переводе Шпета мне подтвердить не удалось, но тогда я еще не терял надежды и обратился к нескольким исследователям творчества Шпета (главным образом — философского) с вопросом, не известно ли им чего-нибудь о неопубликованном шпетовском переводе «Пиквика». Один из опрошенных ответил, что видел в архиве Шпета рукопись перевода Диккенса. «Но, — добавил он, — этот перевод, по-моему, издавали». И дал мне ссылку на издание «Независимой газеты» 2000 г.

Ниже я подробнее рассмотрю это издание и укажу на различные огрехи его составителей, но сперва, предвидя возможные возражения, попытаюсь объяснить, почему я обращаю на него такое внимание. Да, «Посмертные записки Пиквикского клуба», выпущенные «Независимой газетой», — не научное издание и, возможно, не заслуживают столь серьезного к себе отношения. Однако, во-первых, это издание ориентировано на интеллектуалов: тех, кого привлекает имя Шпета и кого интересует комментарий к «Пиквику», а подготовка текста для такой аудитории требует бережного к себе отношения. Во-вторых, в книге переиздан (о чем далее) перевод под редакцией Шпета, который давно стал

³ По-видимому, эта мысль была подхвачена из статьи Г. Тиханова «Многообразие поневоле, или Несхожие жизни Густава Шпета», где говорится: «Однако его (Шпета. — А. А.) перевод “Записок Пиквикского клуба” был отвергнут... и Шпет должен был довольствоваться тем, что ему дали составить том комментариев, опубликованный в 1934 году» [Тиханов 2008: 47]. Тиханов, в свою очередь, ссылается на М. К. Поливанова, который пишет: «Том этот (комментариев к “Посмертным запискам Пиквикского клуба”. — А. А.) был принят к публикации по мизерным расценкам, по которым у нас оплачивается научное комментирование, а хорошо оплачиваемый перевод забраковали и вместо него приняли перевод Ланна, как раз начинавшего в ту пору свою карьеру переводчика Диккенса. Шпет был очень огорчен этой потерей, зря проделанной работой, но не опустил руки» [Поливанов 1992: 30].

библиографической редкостью, и поэтому знакомство читателей с этим переводом, скорее всего, будет происходить именно по данному изданию. В-третьих, рассчитанное на то, чтобы отдать долг памяти Шпета, данное издание, как будет показано, местами сильно искажает его замысел.

2. Источники текста

Том «Посмертных записок Пиквикского клуба» в издании «Независимой газеты» 2000 г. содержит сам роман Диккенса (с. 9—571) и комментарии Шпета к нему (с. 575—823). Роман, как указано в выходных данных книги на обороте титульного листа, представляет собой «сокращ. пер. с англ. под ред. А. Г.<орнфельда> и Г. Ш<пета>»; при этом отмечено, что он публикуется в новой редакции М. К. Тюнькиной. Этим исчерпываются сведения о тексте, приводимые издателем: ни источников текста, ни принципов его подготовки к изданию в книге не указано.

2.1. Источник перевода «Посмертных записок Пиквикского клуба»

Как несложно установить, в издании «Независимой газеты» был взят за основу сокращенный перевод «Посмертных записок Пиквикского клуба», вышедший «под редакцией А. Г. и Г. Ш.» в издательстве «Молодая гвардия» в 1932 г. Г. Ш. — это, несомненно, Густав Шпет: это подтверждается уже тем, что в его архиве есть машинопись данного перевода с многочисленными редакторскими правками [см.: НИОР РГБ. Ф. 718. К. 14. Ед. хр. 4, 5]. Сложнее обстоит дело с А. Г.: редакторы издания 2000 г. полагают, что это Аркадий Георгиевич Горнфельд, тогда как архивисты, составившие описание фонда Шпета, пишут, что это Александр Георгиевич Габричевский. И Горнфельд, и Габричевский представляются правдоподобными кандидатами: оба занимались переводами, оба интересовались Диккенсом — и определить, кто же именно из них скрывается за инициалами «А. Г.», мне затруднительно, поэтому далее я буду называть этого редактора его инициалами.

Отдельный вопрос вызывает формулировка «под редакцией»: если А. Г. и Густав Шпет — редакторы перевода, то кто же переводчик? Исследователь наследия Шпета Г. Тиханов полагает, что переводили они же:⁴ как будет видно в дальнейшем, отчасти он прав, но формально — ошибается. В издании 1932 г. дается следующее примечание:

Настоящий перевод, в значительной части обновленный и совсем новый, не является полностью новым, так как редакция имела задачей лишь очистить от грубых ошибок, произвольных вставок и вульгаризмов представленное ей сокращение одного из старых переводов (изд. «Дешевой библиотеки» Суворина). В названном переводе оказалось так много промахов, что редакции пришлось наново переводить целые абзацы, страницы, а иногда и главы [Диккенс 1932: 492].

Дальнейшие разыскания показали, что за основу для издания 1932 г. был взят двухтомник «Замогильные записки Пиквикского клуба», выпущенный в Санкт-Петербурге А. С. Сувориным в 1894 г.⁵ Это помогает установить исходный текст перевода, взятый А. Г. и Шпетом для редактирования и сокращения, но не помогает узнать имя переводчика: в издании Суворина — что было довольно обычно для дешевых изданий того времени — переводчик не указан. На титульном листе суворинского издания написано, что это «новый перевод с английского». «Новым» в суворинское время перевод был по отношению к одноименному классическому переводу И. И. Введенского (впервые вышедшему в «Отечественных записках» в 1849—1850 гг.); таким образом, переводчик —

⁴ В примечании 32 к статье «Многообразии поневоле, или Несхожие жизни Густава Шпета» Тиханов пишет: «Сокращенный перевод “Записок Пиквикского клуба” появился под редакцией Шпета и его коллеги: Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба (сокращенный перевод с английского) / Под ред. А. Г. и Г. Ш. (sic! — Г. Т.) М.; Л.: Молодая гвардия, 1932. В отсутствие каких-либо указаний на фамилии переводчиков остается предположить, что перевод был осуществлен теми, кто указаны в качестве соредкторов: Шпетом и А. Горнфельдом» [Тиханов 2008: 56—57]. Это примечание говорит о том, что Тиханов, скорее всего, использовал издание «Независимой газетсы» 2000 г. для раскрытия инициалов «А. Г.».

⁵ Датировка — по карточке библиотечного каталога РГБ. В самой книге год публикации не указан.

не Введенский. В 1890 х годах также вышли два новых перевода «Пиквика»: М. А. Шишмаревой (Сочинения Чарльза Диккенса: Полн. собр.: В 10 т. СПб.: Ф. Павленков, 1892—1897. Т. 6) и В. Л. Ранцова (Собрание сочинений Чарльза Диккенса: В 35 т. СПб.: Тип. Пантелеевых, 1896—1899. Т. 1), однако сравнение показывает, что они значительно отличаются от того текста, который вышел у Суворина. Таким образом, имя переводчика текста, отредактированного А. Г. и Шпетом, остается неизвестным.

В редакции А. Г. и Шпета перевод 1894 г. подвергся коренной переработке. В качестве примера приведу первый абзац первой главы «Пиквика» в издании 1894 и 1932 г.

Издание 1894 г.	Издание 1932 г.
Нынѣ впервые надлежитъ лучамъ свѣта озарить тьму и лучезарно возсіяты въ томъ мракѣ, который доселѣ скрывалъ отъ глазъ челоуѣчества первоначальную исторію обзественныхъ подвиговъ безсмертнаго Пикквика. Подвиги эти окажутся достойными славы даже изъ одного лишь прочтенія нижеслѣдующаго вступленія въ протоколѣ пикквикскаго клуба, которое издатель съ чувствомъ величайшаго удовольствія представляетъ вниманію своихъ читателей, какъ доказательство той безукоснительнѣйшей сосредоточенности, того неутомимѣйшаго трудолюбія и утонченнѣйшей систематичности, съ которыми онъ обрабатывалъ эти многосложные документы, ввѣренные его добросовѣстности.	Первый луч света, озаряющий мглу и превращающий в ослепительный блеск тот мрак, которым, казалось, была окутана ранняя история выступлений бессмертного Пиквика на общественном поприще, воссиял при изучении нижеследующей записи в протоколах Пиквикского клуба, которую издатель с чувством величайшего удовольствия представляет своим читателям как доказательство заботливого внимания, н утомимой усидчивости и тонкого проникновения, с которыми велись его разыскания среди многочисленных документов, ему вверенных.

Если не знать, что текст одного перевода получился из другого (как видно по хранящейся в архиве Шпета машинописи, усеянной редакторскими правками [см.: НИОР РГБ. Ф. 718. К. 14. Ед. хр. 4, 5]), то можно решить, что между ними нет реше-

тельно ничего общего. Столь же глубокой переработке подвергся и остальной текст романа.

2.2. Источник комментария к «Посмертным запискам Пиквикского клуба»

Издание «Молодой гвардии» 1932 г. содержало составленный Шпетом комментарий к «Посмертным запискам Пиквикского клуба», но он был очень кратким и занимал менее двадцати страниц.

В 1933—1934 гг. в издательстве «Academia» вышел трехтомник «Посмертных записок Пиквикского клуба». Первые два тома (1933) содержали перевод, сделанный А. Кривцовой и Е. Ланном при участии Шпета, а в третий том вошел составленный Шпетом обширный историко-страноведческий комментарий к роману⁶. Именно этот комментарий был включен в издание «Пиквика» 2000 г., подготовленного «Независимой газетой».

Таким образом, комментарий оказался оторван от того текста, который он был предназначен комментировать, и искусственно приставлен к другому тексту. Под обложкой одной книги оказались сокращенный перевод «Пиквика» и комментарий к *другому*, полному переводу.

И все это — при полном молчании составителей издания.

3. Изменения текста

Такое соединение перевода с комментарием к другому переводу не могло пройти безболезненно для текста и потребовало существенного в него вмешательства. Ниже я опишу несколько различных групп правок, которым он подвергся.

⁶ «Такой тип комментария, сколько мне известно, осуществляется впервые», — писал о нем сам Шпет [Диккенс 1934: 5]. Сложно сказать, имел ли он в виду впервые в СССР (России) или впервые в мире. Недоброжелатель Шпета художник В. А. Милашевский, чьи иллюстрации Шпет не хотел включать в издание «Пиквика» 1933—1934 г., пишет, что Шпет «текст, в виде собственных комментариев, перевел из английского издания “Энциклопедии Диккенса”» [Юниверг 1992: 53], — замечание, вряд ли соответствующее действительности.

3.1. Вынужденная правка

Для создания иллюзии того, что комментарий сделан к публикуемому сокращенному переводу, редактору Тюнькиной пришлось добавлять в текст перевода отсутствующие там комментируемые реалии. Так, например, следующему предложению в переводе под редакцией А. Г. и Шпета:

...не прошло и часа, как мистер Пиквик с чемоданом в руках, с подозрною трубкою в кармане пальто и с записной книжкой в жилетном кармане стоял у извозничьей стоянки [Диккенс 1932: 10].

в переводе Кривцовой и Ланна (в создании которого участвовал и который комментировал Шпет) соответствует такое предложение, где звездочкой обозначена отсылка к комментарию:

...не прошло и часа, как м-р Пиквик с чемоданом в руке, с подозрною трубкой в кармане пальто и записной книжкой в жилете, готовой принять на свои страницы любое открытие, достойное замечания, — прибыл на каретную стоянку Сент-Мартенс-Ле-Гренд* [Диккенс 1933: 10].

Поэтому, связывая перевод 1932 г. с комментарием 1934 г., Тюнькина дописывает название стоянки (заодно осовременивая написание):

...не прошло и часа, как мистер Пиквик с чемоданом в руках, с подозрною трубкою в кармане пальто и с записной книжкой в жилетном кармане стоял у извозничьей стоянки на Сент-Мартен-ле-Гранд* [Диккенс 2000: 15].

Или сходный пример: предложению в переводе под редакцией А. Г. и Шпета:

— Мы редко держим ее (лошадь. — А. А.) в конюшне, — заметил извозчик холодно, — уж очень она слаба [Диккенс 1932: 11].

соответствует следующее предложение в переводе Кривцовой и Ланна:

— Она стоит в Пентонвиле*, — заметил равнодушно возница, — но мы редко держим ее в конюшне, уж очень она слаба [Диккенс 1933: 10].

поэтому редактор переписывает (с опечаткой):

О переиздании «Посмертных записок Пиквикского клуба»

— Она стоит в Пентовилле*, но мы редко держим ее в конюшне, — невозмутимо заметил извозчик, — уж очень она слаба [Диккенс 2000: 16].

Случаев такой правки в тексте много.

3.2. Осовременивающая правка

Другая группа правок связана с желанием редактора переиздания осовременить текст и приблизить его таким образом к читателю. Правки этой группы можно разделить на несколько подгрупп.

3.2.1. Орфография

Это наиболее ожидаемая правка, заключающаяся в приведении текста в соответствие с современными орфографическими (и пунктуационными) нормами. Отмечу здесь лишь несколько сознательных орфографических установок А. Г. и Шпета, которые стали незаметны в результате правки. В издании 1932 г. фонема <e> после твердых согласных и после гласных в заимствованных из английского языка словах передается буквой *e*, а в издании 2000 г. — обычно буквой *э*. Например, слова *сер*, *кеб*, *Сем*, *Уелер* исправляются на *сэр*, *кэб*, *Сэм*, *Уэллер*. Другая существенная деталь касается передачи при транскрипции с английского языка удвоенных согласных, а также буквосочетания *sk*. В издании 1932 г. удвоенные английские согласные по-русски передаются одинарной: *Уелер*, *Тротер*, *Фог*, *Снодграс*, *Томи*, *Грамер*, *мис* и проч.; в издании 2000 г. восстанавливается удвоенная согласная: *Уэллер*, *Троттер*, *Фогг*, *Снодграсс*, *Томми*, *Грамер*, *мисс*⁷.

⁷ Самый яркий пример — судьба фамилии самого Диккенса, которая в 1930-е годы записывалась то с одиночной, то с удвоенной *k*. В издании 1932 г. под редакцией А. Г. и Шпета Диккенс пишется с двумя *k*, но уже в трехтомнике издательства «Academia» 1933—1934 гг. он пишется с одной *k*. Нетрудно догадаться, что в издании 2000 г. пишется Диккенс (Пиквик, впрочем, оставлен без удвоенных *k*). Между тем количество *k* в фамилии Диккенса было для работавшего над «Пиквиком» Ланна — и наверняка также для Шпета, исправившего написание Пикквик в издании 1894 г. на Пиквик (а до этого сократившего количество *t* в своей фамилии Шпетт до одной), — вопросом принципиальным. См. Приложение.

3.2.2. Грамматика

К этой группе правок относится не вполне последовательная замена окончания творительного падежа 1-го склонения *-ою, -ею* (бывшего во времена Шпета преобладающим вариантом литературной нормы) на окончание *-ой, -ей*. Характерный пример из комментария Шпета: предложение

Но в те времена Кемден-таун был крайней северо-западной его окраиной, за которою тянулись поля, отделявшие Лондон от пригородов, и был населен беднейшею массою лондонского мещанства [Диккенс 1934: 9].

исправлено на (подчеркнуто мною):

Но в те времена Кемден-Таун был крайней северо-западной его окраиной, за которо~~ю~~й тянулись поля, отделявшие Лондон от пригородов, и был населен беднейше~~й~~ей масс~~о~~й лондонского мещанства [Диккенс 2000: 578—579].

3.2.3. Лексика

К более существенному вмешательству в текст перевода относится замена устаревших, необычно употребленных или вышедших из употребления слов на современные варианты. Вот несколько примеров такой правки.

Обыкновенное для XIX — 1-й пол. XX в. слово *галстух* [Диккенс 1932: 196] исправлено на *галстук* [Диккенс 2000: 229].

Название рыбы *соль* [Диккенс 1932: 17], вероятно, чтобы не вводить читателя в замешательство, заменено на *камбалу* [Диккенс 2000: 24]

В начале XX в. в русском языке было довольно широко распространено междометие *алло*; к концу века сфера его использования сузилась. Поэтому отклик «Алло!» в таком отрывке:

Дребезжание колокольчика вызвало на галерею второго этажа кокетливую горничную, которая постучалась в одну из дверей, получила приказание, затем перевесилась через перила и позвала:

— Сем!

— Алло!⁸ — ответил человек в белой шляпе [Диккенс 1932: 77].

⁸ Это же «Алло!» есть в переводе Кривцовой и Ланна, сделанном при участии Шпета [см.: Диккенс 1933: 145].

О переиздании «Посмертных записок Пиквикского клуба»

показался редактору неестественным, и она исправляет (попутно меняя глагол):

Дребезжание колокольчика вызвало на галерею второго этажа кокетливую горничную, которая постучалась в одну из дверей, получила приказание, затем перевесилась через перила и позвала:

— Сэм!

— Ну! — откликнулся человек в белой шляпе [Диккенс 2000: 94].

Чистильщика обуви в гостинице в переводе под редакцией А. Г. и Шпета называют *бутс* (англ. *boots*, метонимический перенос от того же слова, означающего *ботинки*):

Сем остановился перед леди и джентльменом, сидевшими за завтраком. Расставив предупредительно башмаки леди справа слева у ее ног и сапоги джентльмена справа и слева у его ног, он направился обратно к двери.

— Бутс! — окликнул его джентльмен.

— Сер! — отозвался Сем, притворяя дверь [Диккенс 1932: 78].

Редактор исправляет это слово на *коридорный*:

Сэм остановился перед леди и джентльменом, сидевшими за завтраком. Услужливо расставив башмаки леди справа и слева у ее ног, он направился обратно к двери.

— Коридорный! — окликнул его джентльмен.

— Сэр?! — отозвался Сем, притворяя дверь⁹ [Диккенс 2000: 95].

Такого рода правки в тексте очень много.

3.3. Вкусовая правка

Кэтой группе я отношу случаи правки, не укладывающиеся в предыдущие группы. Некоторые входящие сюда исправления (например, изменение «расставив предупредительно» на «услужливо расставив» в предыдущем примере) сложно объяснить чем-то кроме индивидуального вкуса редактора;

⁹ В этом отрывке видна также другая лексическая правка: фраза «расставив предупредительно» заменена на «услужливо расставив» — а также дефект переиздания: потеряна фраза «<расставив> сапоги джентльмена справа и слева у его ног» (которой имеется соответствие в английском оригинале).

другие, например исправление отглагольного существительного на глаголы (подчеркнуто мною):

А. Г. и Шпет (1932)	Издание «Независимой газеты» (2000)
Этот джентльмен последовательно прошел все стадии, предшествующие летаргии, вызываемой обедом. Он <u>испытал переход</u> с высот веселости в глубины скорби и из глубин скорби — на высоты веселости [Диккенс 1932: 18—19].	Этот джентльмен последовательно прошел все стадии, предшествующие летаргии, вызываемой обедом. Он, как и положено, <u>срывался</u> с высот веселости в глубины скорби и из глубин скорби <u>взмывал</u> на высоты веселости [Диккенс 2000: 25—26].

объясняется вкусом всей редакторской школы. Такой правки в тексте очень много, но здесь я подробнее остановлюсь на трех группах случаев, когда эта правка входила в противоречие с принципиальной позицией Шпета.

3.3.1. Источники сведений о позиции Шпета

Прежде чем переходить к дальнейшим иллюстрациям, объясню, почему я считаю, что обсуждаемые далее вопросы были для Шпета принципиальны.

Шпет не оставил подробных записей о том, какими принципами он руководствовался, когда готовил «Пиквика» к изданию. Однако с самого начала 1930 х годов в своей работе над Диккенсом он тесно сотрудничал с Ланном. Сотрудничество началось самое позднее летом 1931 г.: 3 июня 1931 г. Шпет отправляет Ланну письмо, в котором содержится отредактированная им первая глава «Пиквика» в переводе Кривцовой и Ланна, а также, для сравнения, его собственный перевод этой главы. Судя по тексту письма, первоначально предполагалось, что Шпет будет редактировать перевод Кривцовой и Ланна, но от этого замысла он отказывается. Концовка письма заслуживает того, чтобы ее процитировать:

О переиздании «Посмертных записок Пиквикского клуба»

Дорогой Евгений Львович, приняв все изложенное во внимание и сличив переводы, Вы, вероятно, просто не согласитесь на такую правку перевода, какую я себе представляю. Я же на непогрешимость отнюдь не претендую. Больше того, готов признать, что Ваш перевод читается легче моего, но я добиваюсь прежде всего адекватности, имея в виду требования, которые могут быть предъявлены к переводу классического писателя. Может быть, я и не достигаю цели, но Вы согласитесь со мною, буде бы Вы даже признали мои изменения, что на меня падет работа (сужу на основании просмотренных 80 страниц), размеры которой ни Вы, ни я себе не представляли, и что, конечно, я при данных условиях вынужден отказаться от этой работы. Не сердитесь и не пеняйте на меня, пожалуйста! Я огорчен, наверное, больше Вас (если Вас это вообще огорчит) и страдаю, конечно, только я — и морально, и материально. Как оформить мой отказ решим при свидании [НИОР РГБ. Ф. 718. К. 15. Ед. хр. 4: 45].

Здесь примечательно, что Шпет считает свой собственный перевод более тяжелым для чтения, чем перевод Кривцовой и Ланна (который влиятельные критики: И. А. Кашкин, К. И. Чуковский, Нора Галь — упрекали в тяжеловесности). Эта «тяжесть», однако, не смущает Шпета, потому что служит для «адекватной» передачи классического писателя.

Несмотря на первоначальный отказ, совместная работа над «Пиквиком» все-таки состоялась, и в окончательное издание 1933—1934 г.¹⁰ вошел текст с правками Шпета. Ланн должен был сформулировать принципы перевода и изложить их в статье, которой собирались сопроводить роман. Наброски этой статьи, написанные рукою Ланна, хранятся в архиве Шпета [НИОР РГБ. Ф. 718. К. 15. Ед. хр. 4: 39a]. Однако полностью статью — «Стиль раннего Дикенса и перевод “Посмертных записок Пиквикского клуба”» — Ланн опубликовал в «Литературном критике» только в 1939 г., уже после ареста и расстрела Шпета. В ней он подробно изложил принципы перевода «Пиквика».

Шпет, несомненно, был с ними знаком и их разделял. Поэтому, оглядываясь на издание под редакцией А. Г. и Шпета 1932 г. и видя в нем проявления тех же самых переводческих установок, о которых пишет Ланн в 1939 г., я убежден, что они возникли там

¹⁰ Предполагалось, что «Пиквик» Кривцовой, Ланна и Шпета вначале выйдет в «Дешевой библиотеке ОГИЗ», а следом — в издательстве «Academia». Во второй половине 1932 г. стало понятно, что первое издание не состоится [РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 69: 1—3].

не случайно, не по небрежности или недосмотру редакторов, а в результате их осознанного решения.

3.3.2. Повторы

В уже упомянутом письме Ланну от 3 июня 1931 г. Шпет писал (курсив мой): «Замена “Пиквика” местоимением *ослабляет стилистический эффект <sic> повторения, несомненный у Дикенса*» [НИОР РГБ. Ф. 718. К. 15. Ед. хр. 4: 43], а в наброске принципов перевода «Пиквика», хранящемся в архиве Шпета, Ланн отметил: «*Повторение одних и тех же слов оригинала нужно, без замены синонимами*» [НИОР РГБ. Ф. 718. К. 15. Ед. хр. 4: 39a].

О воспроизведении авторских повторов Ланн говорит и в своей статье:

С особым вниманием переводчик должен следить повторы Дикенсом одних и тех же слов. Ни опускать повторов, ни заменять синонимами нельзя по той простой причине, что в «Записках» они почти всегда являются элементами выразительности, а иногда имеют существенное смысловое значение. Так, например, чтобы подчеркнуть невысокую храбрость друзей Пиквика, испугавшихся буянившего кэбмена, Дикенс пишет: — You are mad, — said Mr. Snodgrass; — Or drunk, — said Mr. Winkle; — Or both, — said Mr. Turman. (Вы с ума сошли, — сказал м р Снодграс; — Или пьяны, — сказал м р Уинкль. — Вернее и то и другое, — сказал м р Топмэн.) Следует вспомнить всю сцену, чтобы понять иронию Дикенса в повторе «said» — «сказал»; ибо ситуация была такова, что каждый мало-мальски смелый человек (а пиквикистов было четверо против одного) повсиль бы голос. Но Дикенс не дает синонимов, и четвертым «said» (Come on — said the cabdriver) очень тонко подчеркивает неуверенность кэбмена, взвинтившего себя достаточно, но не в такой мере, чтобы выступить одному против четверых [Ланн 1939: 159—160].

Практики перевода, знающие, насколько часто в англоязычных произведениях повторяется глагол said и насколько спокойнее «у них» относятся к повтору этого глагола, чем «у нас» — к повтору глагола *сказал*, не согласились бы с Ланном, но это неважно. Важно — что повторение глагола *сказал* там, где Диккенс повторяет глагол *said* — это продуманная (правда, не вполне последовательно проводившаяся) тактика переводчиков

О переиздании «Посмертных записок Пиквикского клуба»

«Пиквика», вышедшего в 1933 г. Ровно тот же прием наблюдается и в «Пиквике» 1932 г. под редакцией А. Г. и Шпета. В переиздании 2000 г. вместо повторяющегося глагола использованы синонимы:

А. Г. и Шпет (1932)	Издание «Независимой газеты» (2000)
— Вы с ума сошли! — сказал мистер Снодграс. — Или пьяны, — сказал мистер Уинкль. — Вперед — сказал извозчик, — вперед — четверо на одного [Диккенс 1932: 12]	— Вы с ума сошли! — вскричал мистер Снодграс. — Или пьяны, — подхватил мистер Уинкль. — Вперед — возгласил извозчик. — Вперед — четверо на одного [Диккенс 2000: 16—17].

3.3.3. Слова-паразиты

Особый случай повтора — это повторяющиеся «любимые словечки» персонажей. Сэм Уэллер часто вставляет в свою речь слово *regular* (*reg'lar*), о котором Ланн говорит так:

У Сэма есть два любимых словечка: «*reg'lar*» и «*here*». Первым он обязан отцу, который два-три раза его употребляет, второе напоминает о привычке некоторых пересыпать речь словом «значит». Переводчик должен помнить об этом еще и потому, что «*reg'lar*» почти всегда обостряет фразеологическую экспрессию, что подтверждается хотя бы такой фразой: «я... как-нибудь перенесу такие регулярно сокрушительные таланты» [Ланн 1939: 169].

В переводе Кривцовой, Ланна и Шпета (1933) было принято решение сохранить эту речевую характеристику Сэма и передавать английское *regular* русским *регулярный* и *регулярно*. Точно такое же решение можно наблюдать в издании под редакцией А. Г. и Шпета 1932 г. При переиздании же все *регулярный* и *регулярно* были заменены на другие, лучше ложащиеся в фразу, слова, например:

А. Г. и Шпет (1932)	Издание «Независимой газеты» (2000)
<p>Налил ему стакан вина, обхаживает отца; старик, регулярно, разошелся, а тот достал билет в двадцать фунтов, сует ему в руку и спрашивает... [Диккенс 1932: 102].</p> <p>— ...Только эти внизу — еще не регулярные костоправы; они еще в ученьи [Диккенс 1932: 232].</p> <p>— Валентинов день, сер, — ответил Сем, регулярно удачный для дела о нарушении брачного обещания [Диккенс 1932: 244].</p>	<p>Налил ему стакан вина, обхаживает отца; старик, ясно, разошелся, а тот достал билет в двадцать фунтов, сует ему в руку и спрашивает... [Диккенс 2000: 122].</p> <p>— ...Только эти внизу — еще не готовые костоправы; они еще в ученье [Диккенс 2000: 270].</p> <p>— Валентинов день, сэр, — ответил Сэм, — аккурат для разбирательства дел о нарушении брачного обещания [Диккенс 2000: 284].</p>

В результате речь Сэма стала более естественной, но речевой паразит пропал.

3.3.4 Ты и вы

В наброске принципов перевода «Пиквика», хранящемся в архиве Шпета, Ланн в рубрике «Стиль» сделал помету: «“Ты” и “вы”» [НИОР РГБ. Ф. 718. К. 15. Ед. хр. 4: 39а]. Впоследствии он развернул эту мысль так:

Считая необходимым сохранить специфику английских конвенциональных норм, отраженную во фразеологии всех социальных групп исключением личных и притяжательных местоимений второго лица единственного числа, мы отказались от привычных «ты» и «твой»... Английское «you» не вполне идентично нашему «вы» именно в силу отсутствия в английской разговорной речи местоимения «ты». Это нам хорошо известно. Но в то же время заменой привычных нам «ты» и «твой» местоимениями «вы» и «ваш» достигается эффект своеобразия английской речи и английских бытовых условностей и традиций [Ланн 1939: 170].

Этот же принцип соблюдается и в издании под редакцией А. Г. и Шпета 1932 г., где Сэм Уэллер, например, обращается к отцу на *вы*:

— Мне стыдно за вас! [Диккенс 1932: 221]

В переиздании 2000 г. Сэм уже обращается к отцу на *ты*:

— Мне стыдно за тебя! [Диккенс 2000: 258]

4. Заключение

Издание «Посмертных записок Пиквикского клуба» примечательно тем, что его целью было показать работу Шпета над переводом и комментированием Диккенса. Только этим можно объяснить такое странное сочетание перевода с комментарием к другому переводу, а также всю редакторскую работу, проделанную для связывания перевода и комментария. Удивляет то, что издатели нигде не объясняют этот свой необычный замысел. Удивляет и парадоксальность самой ситуации: книга, призванная напомнить о наследии Шпета, обращается с этим наследием весьма вольно. Да, редактор переиздания осовременивает текст и тем самым облегчает его для чтения и приближает к сегодняшнему читателю, но одновременно нарушает стиль Шпета и противоречит его переводческим установкам.

В любом случае ясно одно: для историка перевода в СССР и для исследователя творчества Шпета эта книга будет крайне ненадежным источником информации.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ниже приводится письмо Евгения Ланна (соратника Густава Шпета по работе над Диккенсом) в издательство «Academia» по поводу удвоенной «к» в фамилиях Диккенс и Пик(к)вик в готовящемся втором издании «Посмертных записок Пиквикского клуба». Как видно из этого письма, количество «к» для Ланна в 30-е годы — принципиальный вопрос. Можно не сомневаться, что для Шпета, даже более решительно устранившего удвоенные согласные в заимствованных словах, чем Ланн (он и фамилию Ланна-то писал «Лан» [НИОР РГБ. Ф. 718. К. 15. Ед. хр. 4: 3]) этот вопрос был не менее принципиальным.

Письмо хранится в РГАЛИ в фонде издательства «Academia» [РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 69: 14—15 об.]. При воспроизведении орфография и пунктуация подлинника сохранены.

Глубокоуважаемый
Александр Николаевич¹¹,

Когда издательство пытается ликвидировать фонетические «эксперименты» — это я понимаю. Я лично отнюдь не сторонник «сер» вместо «сэр» и прочих нелепостей. Но когда Вы или Станевич совершаете элементарную фонетическую ошибку — я категорически протестую.

Мы не имеем право повторять безграмотность Введенского и писать «Пикквик». Фонетически «ск» (англ.) отнюдь не «два к» и произнести «два к» в слове Пиквик — невозможно, ибо нужно делать паузу после первого «к», что нелепо.

Благодаря прихотливости английского произношения, другое слово: «Dickens» (где тоже «ск») могло быть произнесено как «Дайкенс», если бы не было перед «к» графемы «с».

Я исправил еще 3 месяца назад некоторые начертания имен собственных, ибо, повторяю, не согласен с мнениями того, кто принимал участие в переводе «Пиквика»¹². Но нельзя вместе с водой выливать младенца. Нельзя давать неправильное начертание, абсолютно неудобопроизносимое, как Пикквик и Диккенс.

Кашкин¹³, который в своей статье в Лит. Критике сделал ряд ценных замечаний (я ими воспользовался) не дает ни одного варианта спорных начертаний. Не говоря о том, что до сей поры мы не можем прийти к выводам об абсолютной правильности на-

¹¹ По-видимому, Александр Николаевич Тихонов (1880—1956), в 1930—1936 гг. возглавлявший издательство «Academia».

¹² Видимо, к 1936 г. фамилия осужденного Шпета становится неудобопомынаемой.

¹³ Иван Александрович Кашкин, переводчик и критик перевода. В 1936 г. он выступил с критической статьей «Мистер Пиквик и другие» (Литературный критик, № 5, с. 212—228), в которой обсуждал перевод «Пиквика» Кривцовой, Ланна и Шпета 1933 г. Позднее, в 1950-е годы, Кашкин присоединится к травле Ланна и его критика станет гораздо более ядовитой.

О переиздании «Посмертных записок Пиквикского клуба»

чертаний английских имен собственных, каждое из начертаний определяется в большой степени характером произношения.

Поэтому, например, Кашкин давая совершенно правильно «Пикквик» с одним «к» не любит мягких знаков в конце слова.

Это объясняется очень просто: Кашкин американизирует окончания. Все американцы твердо произносят конечное «л». Тогда как оксфордское (соотв. нашему московскому) произношение требует мягкого «л».

Я это утверждаю и берусь доказать где угодно.

На каком основании миссис «Бардль» у меня превратилась в «Бардл»? Потеха! И тут же рядом неведомый кто-то оставил «Уинкль» и «Джингль»!

Ей-ей для меня отнюдь не является вопросом жизни и смерти эта фонетика. Кроме сего могу утверждать, что я всегда охотно шел и иду на всякие ценные предложения изменить в переводе что угодно. И Кривцова и я — мы всегда просим корректоров делать на полях замечания и всегда им благодарны. Но я настаиваю на оставлении

Дикенс

Пикквик

Бардль

Работаю во всю над Твистом. Очень мешает аппендицит. Сильно мучает.

После сдачи Твиста нужно приступить к Смолету, иначе перерыв в Соб. Соч. будет очень большой. Я получил из Англии любопытный материал о нем — новый.

Жму руку

Ланн

26/IV 936.

СОКРАЩЕНИЯ

Диккенс 1932 — *Диккенс Ч.* Посмертные записки Пиквикского клуба / Сокр. пер. с англ. под ред. А. Г. и Г. Ш. М.; Л.: Молодая гвардия, 1932.

Диккенс 1933 — *Диккенс Ч.* Посмертные записки Пиквикского клуба / Пер. А. В. Кривцовой и Евгения Ланна при участии и с коммент. Г. Г. Шпета. М.; Л.: Academia, 1933. Т. 1, 2.

Диккенс 2000 — *Диккенс Ч.* Посмертные записки Пиквикского клуба / Сокр. пер. с англ. под ред. А. Г<орнфельда> и Г. Ш<пета>; нов. ред. М. Тюнькиной; коммент. Г. Шпета. М.: Независимая газета, 2000.

Ланн 1939 — *Ланн Е. Л.* Стиль Раннего Дикенса и перевод «Посмертных записок Пиквикского клуба» // Литературный критик. 1939. № 1. С. 156—171.

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

Тиханов 2008 — *Тиханов Г.* Многообразие поневоле, или Несхожие жизни Густава Шпета // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 35—63.

Шпет 1934 — [*Шпет Г. Г.*] Комментарий к «Посмертным запискам Пиквикского клуба» // *Диккенс Ч.* Посмертные записки Пиквикского клуба / Пер. А. В. Кривцовой и Евгения Ланна при участии и с коммент. Г. Г. Шпета. М.; Л.: Academia, 1934. Т. 3.

Юниверг 1992 — *Юниверг Л. В.* Милашевский. Моя работа в «Academia» // *Russian Philology and History. In Honour of Professor Victor Levin.* Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 1992. P. 43—58.